

Методическая помощь участникам конкурса чтецов.

Предлагаем Вашему вниманию отрывки из произведений о космосе, которые помогут подготовиться участникам второго тура конкурса «Миры поют, я голос в этом пенье», который пройдет в феврале 2022 г.

Айзек Азимов – «Академия».

Гааль Дорник, родом из провинции, ни разу в жизни не бывал на Тренторе, видел его только в гипервизионных фильмах и передачах. Пару раз ему посчастливилось посмотреть грандиозные трансляции с коронации нового Императора и с открытий заседаний Галактического Совета. Но и прожив всю жизнь на Синнаксе, маленькой планетке, обращавшейся вокруг звезды на окраине Голубого Потока, он не был нецивилизованным изгоем. В те времена оторванных от цивилизации мест уже не существовало.

В Галактике насчитывалось около двадцати пяти миллионов обитаемых миров, и все они входили в состав Империи, столицей которой был Трентор.

Для Гааля теперешнее путешествие менее всего означало конец юности и учебы. Прежде он бывал в космосе только на экскурсиях и раз посетил единственный спутник Синнакса с целью сбора данных о метеорном потоке, необходимых ему в работе над диссертацией. Месяц назад он получил степень доктора математики, а через две недели — приглашение от великого Гэри Селдона прибыть на Трентор для участия в разработке проекта.

Итак, в своё первое настоящее космическое путешествие он улетал на многие миллионы миль и световых лет от дома...

Гааль настраивался на прыжок через гиперпространство совсем недолго, хотя в обычных межпланетных перелетах эти ощущения нельзя испытать. Путешествие в обычном пространстве могло проходить со скоростью, не превышающей скорости света, — что известно науке ещё из забытой эпохи истории человечества — поэтому на путешествия даже между ближайшими обитаемыми системами уходили бы годы.

А в гиперпространстве, этой не поддающейся воображению области, не являющейся ни пространством, ни временем, ни веществом,

ни энергией, ни вакуумом, можно было пересечь всю Галактику за мгновенный промежуток времени.

Гааль в прыжке кроме пустякового толчка ничего не ощутил. И даже подумал, уж не показался ли тот ему. Гааль, почувствовав разочарование, с нетерпением ждал, какое впечатление на него произведёт сам Трентор. Он отправился в зал видового обзора. Стальные шторы открывались в определённое время, и он не пропускал ни одного сеанса. Восхищенный Гааль смотрел на великолепное зрелище звёздного неба, напоминавшее ему стайки светлячков, внезапно остановленные неведомой силой в полёте и застывшие навсегда. В один из сеансов обзора видимой стала холодная, голубовато-белая газовая туманность, находившаяся на расстоянии пяти световых лет от корабля. Расплываясь по небу как пролитое молоко, она через два часа, после следующего прыжка, исчезла из виду.

Трентор обращался вокруг солнца, и оно, возникнув в иллюминаторах обзора, представляло собой всего лишь белую точку, одну из миллионов подобных ей. Если бы не указания маршрутной карты, её невозможно было бы выделить и отличить. С каждым очередным прыжком солнце Трентора сияло всё ярче, а остальные звёзды блекли в сравнении с ним.

Мимо прошёл офицер, бросив на ходу:

— Зал обзора закрывается. Приготовьтесь к посадке. Гааль догнал его и схватил за рукав белой формы, на котором красовалась эмблема Империи — «Звездолёт и Солнце».

— Простите, а никак нельзя побыть здесь? Мне бы так хотелось увидеть Трентор!

Офицер улыбнулся, и Гааль покраснел от стыда за свой провинциальный акцент.

— Утром будем на Тренторе, — улыбнулся офицер.

— Я понимаю... Мне хотелось посмотреть отсюда.

— Простите, юноша. К сожалению, у нас — не космическая яхта. Мы подлетаем с солнечной стороны. Не хотите же вы ослепнуть, получить ожоги и заодно облучиться?

И Гааль, вздохнув, зашагал к своей каюте.

Офицер крикнул ему вслед:

— Да не огорчайтесь вы так! Трентор выглядит всего-навсего таким серым шаром. Когда прилетите, можете взять билет для осмотра с орбиты. Это и недорого совсем.

Гааль обернулся:

— Большое спасибо!

Конечно, обижен он был, как ребенок. В горле стоял ком горечи и досады. Ожидание становилось невыносимым...

Артур Кларк – «2001: Космическая Одиссея».

Глава «Лунный шаттл».

Русский астроном был высок, строен и светловолос, с лицом без единой морщинки — ему никак нельзя было дать пятидесяти пяти лет, тем более что последние десять лет он провел на строительстве гигантской радиообсерватории на обратной стороне Луны, где трехтысячекилометровая толща скальных пород защищала от электронного беспутства Земли.

— Ну, знаете ли, Хейвуд, — сказал он, крепко пожимая руку американцу, — Вселенная поистине тесна! Что у вас нового? Как поживают ваши симпатичные ребята?

— У нас все хорошо, — дружелюбно, но несколько растерянно ответил Флойд. — Мы часто вспоминаем, как славно погостили у вас прошлым летом. Ему было стыдно, что он не мог сказать об этом более искренно — им действительно доставил очень много радостей недельный отдых в Одессе, куда их пригласил Дмитрий во время одного из своих вылетов на Землю.

— А сейчас вы, полагаю, на Луну? — спросил Дмитрий.

— Гм, д-да... Стартуем через полчаса, — ответил Флойд.

Офицер Службы безопасности и Флойд последовали за Дмитрием из главного зала для отдыха в смотровой отсек и через минуту уже сидели за столом в тускло освещенном уголке, созерцая движущуюся панораму звездного неба. Космическая станция совершала один оборот в минуту, и центробежная сила, порождаемая этим медленным вращением, создавала искусственное тяготение, равное лунному. Это был, как установили исследования, наилучший компромисс между земным тяготением и полной невесомостью. К тому же пассажиры, летящие на Луну, получали здесь возможность, так сказать, гравитационной акклиматизации. За почти невидимыми стеклами иллюминаторов немой чередой проплывали Земля и звезды. Та сторона колеса, где они сидели, была обращена в сторону, противоположную Солнцу, иначе слепящий свет не позволил бы и глянуть в иллюминаторы. Даже сейчас в сиянии Земли, заслонившей полнеба, тускнели почти все звезды, кроме самых ярких. Но Земля уже начала гаснуть — Станция неслась по орбите к ночной стороне планеты, через несколько минут она

будет видна только как огромный черный диск, испещренный огнями городов, и тогда небом завладеют звезды... Через сорок пять минут лунный транспорт «Ариес-1В» отвалил от Станции. В этом не было ничего похожего на грохот и ярость земных стартов. Флойд едва услышал отдаленный свистящий звук, когда реактивные двигатели малой тяги метнули электризованные струи плазмы в безвоздушное пространство.

Сергей Лукьяненко – «Предел».

– Невероятно, – прошептал Ян.

– Что именно? – спросила Адиан. – Ты про прибор?

Они сидели метрах в десяти от корабля. Женщина-инопланетянка, которая более походила на человека, принесла из корабля рулон тонкой ткани – расстеленная на камнях, та хорошо держала тепло. А ее странный спутник... хищный спутник... принес удивительное устройство – плоский экран, который не требовал внешнего источника энергии и, похоже, содержал внутри целый компьютер! Казалось бы, для цивилизации, покорившей космос, это должно быть мелочью, но Яна эта «мелочь» поразила куда больше космолета. С такими приборами можно сделать... да что угодно можно сделать! Рассчитать траектории, построить чертежи без ватмана и кальки, поддерживать видеосвязь на расстоянии.

– Нет, – сказал Ян. – Не только. Ты поняла, что мне показал... – он запнулся.

– Что показал хищник?

– Именно.

– Поясни.

Ян вздохнул. С некоторым трепетом протянул руку и нарисовал в воздухе над экраном круг. Жутковатое создание оскалилось (это улыбка! Это только улыбка, ничего более!) и коснулось нескольких нарисованных на экране кнопок. Неведомым образом это запустило видеоролик.

– Думаю, это подготовлено заранее, – сказал Ян. – Для контакта.

На экране появилось звездное небо. Потом одна звезда стала укрупняться – и вокруг нее стал виден целый рой планет. На одной планете (изображение приблизилось, но обрело условность масштабов и начертаний) жили существа, похожие на женщину-инопланетянку. На другой – существа, похожие на пушистого чужака.

– Представляешь, они с разных планет, – прошептал Ян благоговейно. – Не мужская и женская особь одного вида, как ты предположила. Это разные виды с разных миров!

Вот существа построили ракеты и запустили их в космос.

Вот они встречаются и начинают вместе исследовать другие планеты, селятся на них.

Вот они строят на орбите что-то грандиозное, необычное.

Вот это необычное, оказавшееся огромным космическим кораблем, устремляется в космос, покидает звезду, приближается к другой звезде, выходит на орбиту вокруг планеты.

Вот от большого корабля отделяется маленький – выглядящий как разбившийся корабль, и тот приземляется. Из него выходят несколько фигурок. Машут руками.

– Что-то пошло не так, – сказал Ян. Посмотрел на хищника, указал на разбитый корабль, потом на хищника и его длинноногую спутницу, на экран. Развел руками. Хищник заворчал. Коснулся экрана. И – тот будто превратился в грифельную доску. Легкими движениями когтя, выскользнувшего из коротких пальцев, хищник нарисовал корабль и садящихся в него двоих путешественников – себя и спутницу. Потом стер фигурки, пририсовал облака – корабль мчался над планетой, а под ним вставал ядерный гриб.

– Ваша работа? – спросил Ян, тыча в гриб.

Хищник понял. Издал звук недовольный и даже возмущенный. Показал на Яна.

Ян сокрушенно прижал ладонь к лицу.

Хищник тронул его плечо лапой.

– Нам надо выработать язык, – сказал Ян. – Но... но у нас нет времени. Мы должны найти детей.

Он взял экран и схематично нарисовал себя и Адиан. Потом – две фигурки вдали. Прочертил линию.

Узкие глаза прищурились. Хищник привстал – все равно, конечно, он оставался невысоким, но что-то в нем решительно отвергало любые аналогии с ребенком. Осмотрелся – и показал вниз рукой... то есть лапой... вниз по перевалу.

– Да! – сказал Ян. – Нам надо идти туда!

Он нарисовал на экране солнце. Потом палочку. Любое существо, у которого есть пальцы, начинает свой счет с них. И писать цифры начинает, рисуя пальцы. Так что первые цифры должны иметь одинаковое начертание для всех существ во Вселенной.

(Сам того не зная, Ян сделал гениальную догадку, на Земле впервые озвученную только в двадцать первом веке. Практически все гуманоидные цивилизации имели сходное обозначение первых трех цифр – во всяком случае древнейшее). Хищник заворчал. Взмахнул лапой, описывая дугу по небу.

– Да, – сказал Ян. – Мы отстаем примерно на один день!

Удивительно, но с этим существом, столь непохожим и опасным, было куда проще общаться, чем с человекоподобной женщиной. Как-то одинаково у них с Яном работали мозги. Может быть, дело в том, что они мужчины? И потому мыслят сходно?

Ян достал из рюкзака сушеную траву, отщипнул немного. Подумав, протянул брикет с любопытством наблюдающему за ним хищнику. Тот ожидаемо зафыркал, не то возмущаясь, не то смеясь.

Высокая женщина что-то ему сказала. Подошла, взяла из рук Яна чуть травы. Посмотрела на нее без энтузиазма, но бросила в рот и пожевала. Выплюнула. Что-то сказала и развела руками. Словно извинялась.

Ян развел руками.

Ким Стэнли Робинсон – «Красный Марс».

Часть первая. Праздничная ночь.

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. Но не то, чтобы там никогда ничего не происходило. Планета нарастала, плавилась, бурлила и остывала, отчего ее поверхность испещрили огромные геологические образования — кратеры, каньоны, вулканы. Только все это происходило в ископаемой бессознательности и никем не наблюдалось. Тому не было свидетелей — не считая нас, наблюдающих с соседней планеты, и то лишь в последнее мгновение ее долгой истории Мы — единственный сознательный взгляд, который когда-либо обращался к Марсу.

Теперь история Марса в человеческом понимании известна каждому: как во все доисторические поколения он был одним из главенствующих светил благодаря своей красноте и переменчивой яркости, как иногда останавливался в своем странствии среди звезд и менял направление движения на противоположное. Казалось, он пытался что-то этим сказать. Вероятно, поэтому все древнейшие названия Марса звучат так причудливо — Ниргал, Мангала, Окакух, Хармахис, — так, будто они еще старше тех архаичных языков, в которых мы их находим, будто это ископаемые слова из ледникового периода или предыдущих эпох. Да, Марс тысячи лет был священной силой для деяний людских, его цвет сделал эту силу опасной, олицетворяющей кровь, ярость, войну и мужественность.

Затем первые телескопы позволили нам взглянуть поближе, и мы увидели маленький оранжевый диск с белыми полюсами и темными пятнами, которые расширялись и уменьшались с течением долгих периодов. Ни одно из последующих усовершенствований этих телескопов не дало нам большего, но на лучших изображениях, сделанных с Земли, оказалось достаточно клякс, чтобы вдохновить Лоуэлла на известную всем нам историю об увядающем мире и героическом народе, в отчаянии сооружающем каналы, пытаясь сдержать последнее наступление пустыни.

Это была замечательная история. Но затем «Маринер» и «Викинг» прислали свои фотографии, и все изменилось, Наши знания о Марсе на порядок возросли, мы узнали об этой планете буквально в миллионы раз больше, чем знали до этого. И тогда перед нами развернулся новый мир, — мир, о котором мы не подозревали.

И все же этот мир был безжизненным. Люди искали признаки того, что на Марсе была или есть жизнь, — хоть что-то от микробов до обреченных каналостроителей и даже инопланетных пришельцев. Как вы знаете, таких свидетельств до сих пор не обнаружено. Тогда, чтобы заполнить пробел, стали прямо-таки расцветать истории — равно как во времена Лоуэлла или Гомера, как в пещерах или в саваннах — истории о микроокаменелостях, разрушенных нашими биоорганизмами, или о руинах, найденных в пыльных бурях и затем безвозвратно потерянных, о Большом человеке и его приключениях, об ускользающих красных человечках, которых можно уловить лишь краем глаза. Все это было придумано в попытках наделить Марс жизнью, как-то оживить его. Ведь мы — все те же животные, которые, пережив ледниковый период и зачарованно глядя на ночное небо, рассказывали свои истории. И Марс никогда не переставал быть для нас тем, чем был с самого начала, — великим знаком, великим символом, великой силой.

И вот мы здесь. Он был силой, но теперь стал местом.

Роберт Хайнлайн – «Имею скафандр – готов путешествовать».

Когда я был маленьким, мы играли в первую высадку на Луну. Потом романтические бредни уступили место трезвым поискам способа достичь лунной поверхности. Но никогда мне в голову не могло прийти, что я попаду на Луну в клетке без окон, как мышь в обувной коробке.

Только мой вес свидетельствовал, что я на Луне. Увеличение веса можно смоделировать с помощью центрифуги. Но уменьшить вес — совсем другое дело; все, что доступно на Земле — несколько секунд полета с трамплина, затяжной прыжок с парашютом, «горка» на самолете.

А если уменьшение гравитации все длится и длится, то вы где угодно, только не на Земле. На Марсе я оказаться не мог; значит — Луна.

На Луне я должен весить чуть больше 25 фунтов. Примерно так я себя и чувствовал — мог бы пройтись по лужайке, не примяв травы.

Несколько минут я просто наслаждался этим, и, забыв о нем и наших бедах, с удовольствием вальсировал по комнате, слегка подпрыгивал, ударялся головой о потолок, и ощущал, как медленно, медленно, медленно опускаюсь на пол. Чибис уселась, пожалала плечами и снизошла до улыбки. «Лунный старожил»! А ведь пробыла тут всего-то на две недели дольше моего.

У низкой гравитации немало минусов. Почти нет сцепления с опорой, ноги разъезжаются. Пришлось на собственной шкуре познать то, что я раньше знал только умом: вес уменьшается, но масса и инерция остаются. Чтобы сменить направление, даже при ходьбе, надо наклониться как на скейт-борде, но, если нет трения (а у меня в носках на гладком полу его не было), ноги выскользывают из-под тела.

Падать при одной шестой g не больно, но Чибис хихикала.

Я уселся и сказал:

— Смейся, смейся, интеллектуалка. Хорошо тебе, в кроссовках-то, хихикать.

— Извини. Но ты так забавно парил и хватался за воздух, как в замедленном кино.

— Не сомневаюсь. Очень смешно.

— Я уже извинилась. Слушай, возьми мои кроссовки.

Я смерил глазами наши ноги и хмыкнул:

— Спасибо, конечно!

— Ну... ты можешь распороть задники или еще что-нибудь придумать. Мне и так будет нормально. Мне всегда нормально. А где твоя обувь, Кип?

— Да рядышком, четверть миллиона миль отсюда — если только мы вышли на нужной остановке.

— А-а. Ну, здесь она тебе не особенно нужна.

— Ага, — я покусал губу, обдумывая это «здесь» и больше не интересуясь играми с гравитацией. — Чибис? Что теперь будем делать?

— Ты о чем?

— О нем.

— Да ничего. Что мы можем сделать?

— Ну а что тогда делать?

— Спать.

— Что??

— Спать. ...Тот дал нам лучший из даров, кто сонный выдумал покров, что скроет плотной пеленой все мысли наши до одной...

— Хватить выпендриваться! Говори толком!

— Я и говорю толком. Сейчас мы беспомощны, как золотые рыбки в аквариуме. Мы просто хотим выжить. А первый принцип выживания — не застревать на том, что от тебя не зависит и сосредоточиться на том, что

ты можешь сделать. Я хочу есть и пить, я себя неважно чувствую, очень устала... и все, что я могу с этим поделать, это лечь спать. Так что, если ты будешь так любезен, что помолчишь, я этим и займусь.

— Намек понял. Не надо на меня огрызаться.

— Извини. Когда я устаю, я становлюсь злой, как собака. И папа говорит, что до завтрака ко мне подходить опасно. — Она свернулась калачиком и подоткнула свою растрепанную тряпичную куклу под подбородок.

— Спокойной ночи, Кип.

— Спокойной ночи, Чибис.

Александр Беляев – «Прыжок в ничто».

Цандер бросился закрывать дверь. Автоматический затвор был так хорошо прилажен, что это заняло всего несколько секунд. Столько же времени потребовалось, чтобы на окна надвинуть металлические ставни. Цандер зажег электричество, побежал к себе, с лихорадочной быстротой надел костюм, лег в ящик, закрылся и схватился за телефонную трубку, уже соединенную со скафандром.

— Алло, Поллит, у вас все готово?

— Алло! — отвечал пилот головной ракеты инженер Поллит. — Готово!

— Летим!

— Летим!

Это были последние слова, которыми они обменялись перед отлетом.

Толпа, отошедшая от «ковчега» и двух буксирных ракет, вскрикнула, но этого крика никто не слышал, потому что он был покрыт страшным взрывом, словно сразу выстрелили десятки тяжелых орудий. Огненные полосы чудовищной силы извергались из нескольких дюз буксирных ракет.

Ракеты дрогнули, сорвались с места, понеслись вверх по рельсам и взвились в воздух. Все окрестные горы осветились ярким светом, как во время извержения вулкана. Гром затихал вдали, а горы еще долго грохотали эхом. Несколько минут воздух дрожал от этих непрерывных гулких громоуханий.

Комета, созданная руками человека, прорезая с ужасающим свистом земную атмосферу, устремлялась в беспредельные бездны неба. Три огненные полосы от трех ракет слились в одну, полоса превратилась в золотистую нить, тянущуюся в ночном небе. Огромная полоса, все уменьшавшаяся, чертила на темной синеве неба золотую линию полета.

Комета превратилась в искрящуюся точку, которая все уменьшалась и наконец совсем погасла.

Самые дальнорядкие люди еще различали в бинокли и трубы некоторое время одну подвижную, быстро мерцавшую звезду среди неподвижных, но вскоре потеряли ее из виду.

Первый «Ноев ковчег» покинул Землю...

Начало путешествия едва не превратилось в его конец

В момент взрыва Цандер испытал необычайное, странное ощущение, словно по его телу прошла тепловая волна, от которой оно сжалось, уплотнилось, напряглось. Стенки предохранительного ящика надавили в момент отлета на заключенную в нем воду, вода сжалась, передавая вибрацию скафандру, воздуху и затем телу Цандера.

Он попробовал двигать руками, ногами. Движения в воде были медленными, связанными плотной средой, но это уже было чисто внешним торможением. Нервы и мышцы действовали нормально.

— Алло, Цандер, как вы себя чувствуете? — услышал он в телефон голос инженера, ведущего вторую буксирную ракету.

— Отлично, — ответил Цандер. — Как дела?

— Головная буксирная ракета уже израсходовала горючее и отчалила. Поллит хорошо справился с задачей, не правда ли? Вы даже не заметили. Сейчас я усилю работу мотора своей ракеты. Вы ощутите увеличение ускорения... Ну как?..

— Да, почувствовал, — отвечал Цандер. — Перед тем как вы покинете нас, скажите за секунду, чтобы я мог несколько изменить направление полета. Иначе как бы наш «ковчег» не наскочил на вас. Когда я пушу в ход свои дюзы, «ковчег» сделает порядочный прыжок.

— Есть! — коротко ответил инженер. И через некоторое время сообщил:
— Отчаливаем. Всего хорошего. Надеюсь, до скорого свидания...

Аркадий и Борис Стругацкие – «Далекая Радуга».

На Радуге был только один космодром, и на этом космодроме стоял только один звездолет, десантный сигма-Д-звездолет «Таризель-Второй». Он был виден издали — бело-голубой купол высотой в семьдесят метров сияющим облачком возвышался над плоскими темно-зелеными крышами заправочных станций. Горбовский сделал над ним два неуверенных круга. Сесть рядом со звездолетом было трудно: плотное кольцо разнообразных машин окружало корабль. Сверху были видны неуклюжие роботы-заправщики, присосавшиеся к шести баковым выступам, хлопотливые аварийные киберы, прощупывавшие каждый сантиметр обшивки, серый робот-матка, руководивший дюжиной маленьких юрких машин-анализаторов. Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный глаз.

Однако возле грузового люка имело место явное нарушение всех установлений. Оттеснив в сторону безответных космодромных киберов, там сгрудилось множество транспортных машин всевозможных типов. Там были обычные грузовые «биндюги», туристские «дилижансы», легковые «тестудо» и «гепарды» и даже один «крот» — громоздкая землеройная машина для рудных разработок. Все они совершали какие-то сложные эволюции возле люка, теснясь и подталкивая друг друга. В стороне, на самом солнцепеке, стояли несколько вертолетов и валялись пустые ящики, в которых Горбовский без труда узнал упаковку ульмотронов. На ящиках грустно сидели какие-то люди.

В поисках места для посадки Горбовский начал третий круг и тут обнаружил, что за его флаером по пятам следует тяжелый птерокар, водитель которого, высунувшись по пояс из раскрытой дверцы, делает ему какие-то непонятные знаки. Горбовский посадил флаер между вертолетами и ящиками, и птерокар тотчас же очень неловко рухнул рядом.

— Я за вами, — деловито крикнул водитель птерокара, выскакивая из кабины.

— Не советую, — мягко сказал Горбовский. — Мне нет никакого дела до очереди. Я капитан этого звездолета.

На лице водителя изобразилось восхищение.

— Великолепно! — вполголоса воскликнул он, осторожно озираясь по сторонам. — Сейчас мы утрём нос нулевикам. Как зовут капитана этого корабля?

— Горбовский, — сказал Горбовский, слегка кланяясь.

— А штурмана?

— Валькенштейн.

— Превосходно, — деловито сказал водитель птерокара. — Итак, вы — Горбовский, а я — Валькенштейн. Пошли!

Он взял Горбовского под локоть. Горбовский уперся.

— Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компани. Когда все это кончится, — он небрежным жестом указал на машины, — мы спокойно выйдем.

— А вдруг придет настоящий штурман?

— Настоящему штурману придется долго доказывать, что он настоящий, — веско возразил самозванный штурман.

Горбовский хихикнул и сказал:

— Пошли.

Лжештурман пригладил волосы, сделал глубокий вдох и решительно двинулся вперед. Они стали протискиваться между машинами.

Лжештурман говорил непрерывно — у него вдруг прорезался глубокий, внушительный бас.

— Я полагаю, — во всеуслышание вещал он, — что прочистка диффузоров только задержит нас. Предлагаю просто сменить половину комплектов, а основное внимание уделить осмотру обшивки. Товарищ, продвиньте немного вашу машину! Вы мешаете... Так вот, Валентин Петрович, при выходе на деритринитацию... Подайте ваш грузовик назад, товарищ. Не понимаю, зачем вы толпитесь? Существует очередь, существует список, закон, наконец... Вышлите представителей... Валентин Петрович, не знаю

как вас, а меня поражает дикость аборигенов. Такого мы с вами не видели даже на Пандоре среди тахоргов.

— Вы совершенно правы, Марк, — сказал Горбовский, развлекаясь.

— Что? Ну да, само собой... Ужасные нравы!

Девушка в шелковой косынке, высунувшись из кабины «биндюга», осведомилась:

— Штурман и капитан, если не ошибаюсь?

— Да! — с вызовом сказал штурман. — И, как штурман, я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкцию о порядке разгрузки.

— Вы думаете, это необходимо?

— Несомненно. Вы совершенно напрасно ввели ваш грузовик в двадцатиметровую зону...

— А знаете, друзья, — раздался веселый молодой голос, — у этого штурмана фантазия победнее, чем у первых двух.

— Что вы хотите этим сказать? — оскорбленно спросил лжештурман. В лице его было что-то от лже-Нерона.

— Понимаете, — проникновенно сказала девушка в косынке, — вон там, на пустых ящиках, уже сидят два штурмана и один капитан. А пустые ящики — это упаковка ульмотронов, которые увезла бортинженер — скромная такая молодая женщина. За нею сейчас гонится уполномоченный Совета...

— Как вам это нравится, Валентин Петрович? — вскричал лжештурман. — Самозванцы, а?

— У меня такое ощущение, — задумчиво сказал Горбовский, — что мне не попасть на собственный корабль.

— Верное рассуждение, — сказала девушка в косынке. — И уже не новое.

Штурман решительно было двинулся вперед, но тут «биндюг» справа немного передвинулся влево, черно-желтый «дилижанс» слева чуть-чуть

подался вправо, а прямо на пути к заветному люку вдруг злобно заворочались, отбрасывая комья земли, оскаленные зубья «крота».

— Валентин Петрович! — с негодованием воскликнул лжештурман. — В таких условиях я не гарантирую готовность звездолета!

— Старо! — грустно сказал водитель «дилижанса».

Звонкий веселый голос проговорил:

— Какой это штурман! Скука зевотная. Вот помните второго штурмана — этот действительно развлек! Как он задирает на себе майку и показывал следы метеоритных ударов!

— Нет, первый был лучше, — сказал, обернувшись, водитель «крота».

— Да, он был хорош, — согласилась девушка в косынке. — Как это он шел среди машин, держа перед глазами фотографию, и жалобно так приговаривал: «Галю моя, Галю! Галю дорогая! Далеко ты, Галю, от ридного краю!»

Рэй Брэдбери – «Марсианские хроники».

Третья экспедиция

Корабль пришел из космоса. Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны. Корабль был новый; в нем жило пламя, в его металлических ячейках сидели люди; в строгом беззвучии летел он, дыша теплом, извергая огонь. Семнадцать человек было в его отсеках, включая командира. Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета расцвела гигантскими лепестками многокрасочного пламени и устремилась в космос — началась Третья экспедиция на Марс!

Теперь корабль с железной точностью тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы. Он был по-прежнему воплощением красоты и мощи. Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудовищу; он промчался мимо старушки Луны и ринулся в пустоты, пронзая их одну за другой. Людей в его чреве бросало, швыряло, колотило, все они по очереди переболели. Один из них умер, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вращается и вырастает Марс.

— Марс! — воскликнул штурман Люстиг.

— Старина Марс! — сказал Сэмюэль Хинкстон, археолог.

— Добро, — произнес капитан Джон Блэк.

Ракета села на зеленой полянке. Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из чугуна. Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, со множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах. На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели. Башенка с ромбическими хрустальными стеклами и конической крышей венчала дом. Через широкое окно в первом этаже можно было разглядеть пюпитр с нотами под заглавием: «Прекрасный Огайо».

Вокруг ракеты на все стороны раскинулся городок, зеленый и недвижимый в сиянии марсианской весны. Стояли дома, белые и из красного кирпича,

стояли, клонясь от ветра, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны. Стояли колокольни с безмолвными золотистыми колоколами.

Все это космонавты увидели в иллюминаторы. Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы. И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать. Лица их побледнели.

— Черт меня побери! — прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами. — Чтоб мне провалиться!

— Этого просто не может быть, — сказал Сэмюэль Хинкстон.

— Господи! — произнес командир Джон Блэк.

Химик доложил из своей рубки:

— Капитан, атмосфера разреженная. Но кислорода достаточно. Опасности никакой.

— Значит, выходим? — спросил Люстиг.

— Отставить, — сказал капитан Джон Блэк. — Надо еще разобраться, что это такое.

— Это? Маленький городок, капитан, воздух хоть и разреженный, но дышать можно.

— Маленький городок, похожий на земные города, — добавил археолог Хинкстон. — Невообразимо. Этого просто не может быть, и все же вот он, перед нами...

Капитан Джон Блэк рассеянно глянул на него:

— Как, по-вашему, Хинкстон, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и в одном направлении?

— По-моему, это маловероятно, капитан.

Капитан Блэк стоял возле иллюминатора.

— Посмотрите вон на те герани. Совершенно новый вид. Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад. А теперь вспомните, сколько тысячелетий требуется для эволюции того или иного растения. И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, башенки, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего и есть не что иное, как пианино, в-пятых — поглядите-ка внимательно в телескоп, вот так, — логично ли, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно «Прекрасный Огайо»? Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!

Станислав Лем – «Солярис».

Прибытие

В девятнадцать ноль-ноль бортового времени я спустился по металлическим ступенькам внутрь контейнера. В нем было ровно столько места, чтобы поднять локти. Я вставил наконечник шланга в штуцер, выступающий из стены, скафандр раздулся, и я не мог больше сделать ни малейшего движения. Я стоял, вернее сидел, в воздушном ложе, составляя единое целое с металлической скорлупой.

Подняв глаза, я увидел сквозь выпуклое стекло стены колодца и выше лицо склонившегося над ним Моддарда. Потом лицо исчезло и стало темно — это наверху закрыли тяжелый предохранительный конус. Послышался восьмикратно повторенный свист электромоторов, которые дотягивали болты, потом писк воздуха в амортизаторах. Глаза привыкали к темноте. Я уже видел зеленоватый контур универсального указателя.

— Готов, Кельвин? — раздалось в наушниках.

— Готов, Моддард. — ответил я.

— Не беспокойся ни о чем. «Станция тебя примет», — сказал он.

— Счастливого пути!

Ответить я не успел — что-то наверху заскрежетало, и контейнер вздрогнул. Инстинктивно я напряг мышцы. Но больше ничего не случилось.

— Когда старт? — спросил я и услышал шум, как будто зернышки мельчайшего песка сыпались на мембрану.

— Уже летишь, Кельвин. Будь здоров! — ответил близкий голос Моддарда.

Прежде чем я как следует это осознал, прямо против моего лица открылась широкая щель, через которую я увидел звезды. Напрасно я пытался отыскать Альфу Водолея, к которой улетал «Прометей». Эта область Галактики была мне совершенно неизвестна. В узком окошке мелькала искрящаяся пыль. Я понял, что нахожусь в верхних слоях атмосферы. Неподвижный, обложенный пневматическими подушками, я мог смотреть только перед собой. Я летел и летел, совершенно этого не ощущая, только чувствовал, как постепенно мое тело коварно

охватывает жара. Смотровое окно наполнял красный свет. Я слышал тяжелые удары собственного пульса, лицо горело, шею щекотала прохладная струя от климатизатора. Я пожалел, что мне не удалось увидеть «Прометей» — когда автоматы открыли смотровое окно, он, наверное, был уже за пределами видимости.

Контейнер взревел раз, другой, потом его корпус начал вибрировать. Эта нестерпимая дрожь прошла сквозь все изолирующие оболочки, сквозь воздушные подушки и проникла в глубину моего тела. Зеленоватый контур указателя размазался. Я не ощущал страха. Не для того же я летел в такую даль, чтобы погибнуть у самой цели.

— Станция Солярис, — произнес я. — Станция Солярис. Станция Солярис! Сделайте что-нибудь. Кажется, я теряю стабилизацию. Станция Солярис, я Кельвин. Прием.

Я прозевал важный момент появления планеты. Она распростерлась, огромная, плоская; по размеру полос на ее поверхности я сориентировался, что нахожусь еще далеко. А точнее, высоко, потому что миновал уже ту невидимую границу, после которой расстояние до небесного тела становится высотой. Я падал и чувствовал это теперь, даже закрыв глаза.

Кир Булычев – «Путешествие Алисы».

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое горячее щупальце, расправил блестящие пластинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустились в метановую атмосферу Голгофы и отыскали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом «Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет ее орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения, для того чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благородными современниками по подписке, проведенной на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

Кир Булычев – «Гай – до».

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты, сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и, кроме обыкновенных двигателей, иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми ворчливыми профессорами.

И вдруг случилось несчастье.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное — он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Артур Кларк – «Лунная пыль».

Линия горизонта, к которому мчалась «Селена», изменилась: где была безупречно ровная дуга, выросла зубчатая цепь гор. Казалось, они медленно поднимаются к небу, точно на могучем лифте.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; ведь большинство лунных пиков разочаровывают, когда видишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими холмами. Вечерние и утренние тени сильно искажают рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско, их можно одолеть даже на велосипеде. Но из брошюр «Лунтуриста» об этом не узнаешь, в них показаны только наиболее эффектные скалы и каньоны, умело снятые.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы, — продолжала мисс Уилкинз. — В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но им удалось пройти всего несколько километров. Там может быть все, что угодно, мы пока просто ничего не знаем.

Приближающиеся горы приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Тайнственный уголок все еще таинственной Луны... Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию, добраться до Гор Недоступности теперь было не так уж трудно, но пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царил крошечная тьма.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение, — сказала стюардесса.
— Тогда вам будет лучше видно.

И едва погас тусклый красноватый свет, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже отблеск на вершинах пропал, когда пылеход еще больше углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой такой непроглядной, что делалось не по себе.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которые нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Евгений Войскунский – «Песок звездных морей».

Хорош был лес, мягко освещённый утренним солнцем. Я смотрел из окна на зелёную стену и радовался, что удачно выбрал домик на окраине посёлка космонавтов. Никогда ещё у меня не было такого превосходного жилья — залитого солнцем и лесной тишиной.

Нет лучшей для человеческого жилья планеты, чем Земля. Я вспомнил холодные марсианские пустыни, вспомнил сумрачное, исполосованное молниями небо Венеры...

Что знал я раньше? Мир, простиравшийся вокруг купола моего родного посёлка Дубова, — плантации жёлтых мхов, бешеные вихри, тепловые бури, угрюмые горные цепи на искажённом рефракцией горизонте — этот мир был естественным, привычным. Напротив, призрачной, нереальной казалась земная жизнь, о которой мы, школьники Венеры, знали из учебников и фильмов.

Помню одно из самых ранних впечатлений детства — изумление, вызванное фотокарточкой. Эта фотокарточка, цветная, величиной чуть ли не с окно, висела в комнате моего деда. Дед, молодой и совсем не похожий на себя, каким я его знал, коричневый от загара и мускулистый, стоял в полный рост на носу парусной яхты. Он улыбался. И улыбалась сидевшая на корме яхты молодая красивая женщина — моя бабушка, которую я не помнил совершенно. Я зачарованно разглядывал синюю воду озера. Темно-зелёный лес и домик — белую башенку под красной крышей-конусом — на дальнем берегу, голубое небо с облаками вразброс. Может, именно тогда впервые шевельнулось во мне желание увидеть этот странный мир воочию? Не знаю.

Как одержимый накидывался я на книги. Трудная история человечества развёртывала передо мной свои страницы, я поглощал их с жадностью, но безмерно далеко от меня трубили её беспокойные трубы, слишком чужим казался земной водоворот событий. Более всего волновали меня путешествия. Плавания Колумба и Магеллана, капитана Кука и Беллинсгаузена, затёртые льдами нансеновский «Фрам» и седовский «Святой Фока», подвиг Миклухи-Маклая, трагический исход экспедиции Скотта, первые шаги пионеров космоса — вот что владело моим воображением. Дубов — так назывался посёлок, в котором я родился, памятник Дубову на плато Пионеров был такой же привычной частицей детства, как палисадник перед домом, как огненные сполохи полярного

сияния. Не сразу понял я, чем была Венера для Дубова и его товарищей, первыми из землян, ступивших на её поверхность. «Злая», «бешеная» планета, «планета-чудовище» — странно было читать эти слова: ведь тут был мой дом...

Евгений Войскунский. Ур, сын Шама. В согласованный срок открылась на одной из планет конференция. Кого только там не было, в смысле — каких только форм органической жизни! И белковые были формы, и германиевые, и кремнийорганические, и такие, что и слов для их характеристики не найти... Ну что говорить — увидеть надо, иначе просто не поверишь... Были и представители коллективных организмов эти прилетели целым контейнером, такая колония тонн в триста...

Собрались, одним словом. Некоторое время ушло на изучение суммированной информации о дальней планете, причинившей столько хлопот. Потом начался обмен мнениями.

Встал, допустим, какой-нибудь восьмирук-восьминог, глаза на пальцах и говорит:

— Опасная планета, всего можно ожидать от этих двуногих. Чего хорошего, а то ведь прилетят со своими бомбами и пойдут кидать их без разбора по разумной жизни. Вон они между собой как нескончаемо дерутся так уж тем более взъярятся на других, у которых, к примеру, ног побольше. Нельзя нам закрывать глаза — или что у кого есть — на опасный вариант дальнейшего развития. Надо же нам о детях своих побеспокоиться.

— Что вы предлагаете, брат? — спросил председатель.

Помигалось восьминог своими гляделками и говорит:

— Звезда-то у них какая? Желтый карлик? Что ж, сложимся энергоресурсами, сконцентрируемся и схлопнем звезду. Больше ничего не остается.

Тут просит слова некий двуногий, чешуйчатый, ужасно гибкий. Всеми цветами переливается от волнения.

— Братья, — говорит, — по разуму! Не надо, — говорит, — торопиться с такими серьезными делами. Ведь они, тамошние, — мыслящие. Значит, говорит, — в известной степени тоже братья по разуму. С какой стати они

станут швырять в нас бомбы? Если и сумеют до нас долететь, то увидят же, что здесь высокоорганизованная разумная жизнь. Нет, они придут к нам, как к старшим братьям, за советом, более того — за советом просвещения. И мы им обязаны помочь. Они поймут, что агрессивность не оправдывается ни морально, ни экономически. Не верю, что их мышление извращено от природы, изначально, — не может этого быть. Просто оно еще молодо и полно детского задора...

Как загалдит конференция на всех частотах:

— Идеалист несчастный!

— Детский задор, видите ли, нашел в атомной дубине!

— Ишь как позеленел, за своих беспокоится...

И верно, разволновался двуногий. Пришлось ему выпить для успокоения раствору едкого натра. Почистил клювом чешую, помигал теменным глазом успокоился.

Затем поднялся такой зубастый, из тарбозавров. Встал на задние лапы, хвостом подперся и давай телепатически вещать — сам-то безголосый.

— Братья! — вещает. — Мы, ящеры, живем на планете, похожей на ту. У нас история жизни в точности как у них началась. Только там из-за попадания системы в радиационную полосу космоса наши братья ящеры разом вымерли, и в результате этого жуткого несчастья, о котором невозможно говорить без содрогания, планету захватили ничтожные млекопитающие...

— Потихе насчет млекопитающих, — предостерегли его.

— Прошу прощения, — вещает ящер, — я не собирался кого-либо обижать. Я только хочу сказать, что, если бы на той планете не произошло трагедии, ящеры не дали бы развиваться млекопитающим и развитие бы там пошло нормальным путем, без скачков и завихрений, — ну, как у нас на планете. Поймите меня правильно: я имею в виду тех млекопитающих, а не разновидности, присутствующие на данной конференции. Там цивилизация должна была возникнуть наша, ящерная. Другое дело, если бы там с самого начала не было ящеров...

— Не слишком ли много о ящерах? — перебили его.

— Ближе к делу, — сказал председатель. — Брат ящер, что вы предлагаете?

— Я предлагаю: желтого карлика не трогать. Нехорошо это — без крайней надобности схлопывать живые звезды. Да и накладно это энергетически. Планету тоже не надо губить, планета сама по себе хороша. Может быть, даже не всех тамошних млекопитающих надо ликвидировать, а с разбором — тех, что лезут с атомными зарядами в космос. После них можно будет сделать кое-какую дезинфекцию, состав воздуха привести в порядок — превосходная будет планета.

Тут просит слова коллективный разум, триста тонн мозга:

— От имени разумной оболочки планеты мы обращаемся к вам, братья по разуму. Опасность велика! Опасность очень велика! Для вас, разобщенных, может быть, это не так заметно, но мы отчетливо вижу всю серьезность положения. Для нас повреждение одного элемента жизни — гибель всей оболочки, нам ни в коем случае нельзя подвергать себя опасности! Очаг космической агрессии, пока не поздно, должен быть ликвидирован! Лично мы предлагаю прекратить обсуждение — надо или не надо. Конечно, надо! Мы предлагаю обсудить конкретные вопросы: когда и как! Не жалейте энергии, братья, ибо опасность безмерно велика!

Истерическое это выступление сразу как-то взвинтило конференцию. Со всех сторон, на всех частотах посыпались выкрики:

— Преувеличивает оболочка — не так уж велика опасность! До звездных перелетов им еще далеко, может, и вовсе не осияют, а если и осияют, так к тому времени, может, цивилизуются!

— Как бы не так! Сказано же в докладе: склонны к забеганию вперед, вот и выбегут к центру Галактики и застигнут нас, незащищенных! Срочные меры надо принимать, братья, а не ждать, пока там цивилизуются до второй степени разума!

— Правильно! Подсчитать расход энергии, сложиться поровну и схлопнуть желтого карлика!

— Почему поровну? Разложить расходы пропорционально радиусам планет, так будет справедливо.

— Неверно! Пропорционально массам, а не радиусам!

— Не надо трогать звезду! Мы, ящеры, просим дать нам возможность навести там порядок...

— Схлопнуть, схлопнуть!

— Не торопитесь, братья! Нет ничего страшнее, чем ошибка поспешного обобщения. Спору нет, доклад обстоятелен, но мы ведь не знаем никаких деталей. Вон сказано в докладе, что за последнее время ядерные взрывы там наблюдаются реже. Как понимать такую тенденцию, если она окажется устойчивой? Подумать надо, братья, накопить больше информации...

Сергей Снегов – «Люди как боги».

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом.

Наших предков-пастухов охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей тысячами бессмертных глаз, меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

— Что с тобой? — спросил Андре, выйдя на балкон. — На тебе лица нет.

— Любуюсь небом — ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо, как у всех, кто делается сопричастен величественности мироздания.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку — дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

— А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это — и все же стремились вперед.

— Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

— Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда неподвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка — Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета — Ора.

— Четыреста двадцать лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, — задумчиво сказал Андре. — Может, и сейчас их корабль несетя шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают истлевшими пальцами рукояти рулей. Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!